

В 1931 году он, затравленный властями и цензурой, пишет Сталину: «...Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой», — пишет и, как ни странно, выезжает

(отпустил!) в Европу, а не в противоположном направлении. **ВАСИЛЬ БЫКОВ**, чьи повести и рассказы последних лет выпустило издательство «Текст» вместе с журналом «Дружба народов» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, «Горячие точки»), нынче повторяет судьбу Замятина, Неудобная привычка говорить невыгодную «бацьке» правду также вытолкнула писателя за отчие пределы, в более цивилизованный, но не родной мир. Л. Лазарев в предисловии к книге «ВОЛЧЬЯ ЯМА» прозу В. Быкова, посвященную как истории (уже истории) XX века, так и нови, — уподобляет тяжко-скрытому пожару в торфянике. «Рано или поздно этот затаившийся огонь снова полыхнет, испепеляя все вокруг». Емкая метафора: она относится и к сюжетам замедленного действия, которые под пером В. Быкова вдруг оглушительно взрываются, и к стилю белорусского экзистенциалиста. Сдержанность в разговоре о вещах предельных, катастрофических, исключительных. Беспощадность, когда бы не горестное сочувствие *маленькому человеку*, для кого «погибнуть — не самое худшее из всего, что может случиться». Таков герой В. Быкова, а не театральные «декорации», его окружившие, это (выписываем наугад) *чрезвычайка, тюрьма, черный ворон, гауптвахта, трибунал, казарма, плен, СМЕРШ, концлагерь, допрос в органах, бюро райкома, цинковые гробы...* Хватит? Писатель обращается к нам в преамбуле «с известной отвагой, как и с учтивым извиненьем за маловеселое чтение». Да, веселия мало, но сколько жесткой премудрой печали!

Василь Быков - 27 мая - 30 мая - 1931